

2026, № 06 (июнь)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 261144

DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11144

УДК 378.14

Лингвоэтнокультурная интерференция при изучении экономического английского языка в многонациональных группах

Linguistic and cultural interference in the study of economic English in multinational groups

Автор статьи

Славин Евгений Игоревич,
учитель английского языка МБОУ «Образовательный
центр “Вершина”», г. Красногорск, Российская Федерация
zhenya.slavin@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-2428-7763

Author of the article

Eugene I. Slavin,
Teacher, "Vershina Educational Center", Krasnogorsk,
Russian Federation
zhenya.slavin@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-2428-7763

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Славин Е. И. Лингвоэтнокультурная интерференция при изучении экономического английского языка в многонациональных группах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2026. – № 06. – С. 90–103. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261144.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11144

For citation

Eugene I. Slavin, Linguistic and cultural interference in the study of economic English in multinational groups // Scientific-methodological electronic journal "Koncept". – 2026. – No. 06. – P. 90–103. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261144.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11144

Поступила в редакцию <i>Received</i>	06.03.26	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	11.04.26
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	11.04.26	Опубликована <i>Published</i>	30.06.26

Аннотация

Расширение многонационального контингента учащихся в российских экономических вузах актуализирует проблему лингвоэтнокультурной интерференции – комплексного переноса грамматических структур, лексико-семантических моделей и прагматических норм родного языка на изучаемый английский язык профессиональной направленности. Традиционные методики преподавания экономического английского, ориентированные на однородную языковую аудиторию, не располагают инструментарием для работы с разнотипной интерференцией, что снижает эффективность обучения и приводит к устойчивым коммуникативным ошибкам в профессиональном дискурсе. Цель статьи – выявить и систематизировать основные типы лингвоэтнокультурной интерференции в многонациональных учебных группах экономического профиля, проанализировать их распределение по языковым семьям и сформулировать практические рекомендации для преподавателей. Ведущим методом исследования выступает описательно-аналитический подход, включающий анализ письменных работ и устных выступлений учащихся, анкетирование, метод интроспективного протоколирования при работе с экономической лексикой. Исследование проведено на выборке из 51 учащегося, которые представляют пять языковых групп: индоевропейскую, тюркскую, иранскую, кавказскую и смешанную. Установлено, что интерференционные ошибки в экономическом дискурсе носят системный и предсказуемый характер, а их распределение определяется типологическими особенностями родного языка: для носителей индоевропейских языков ведущей является лексико-семантическая интерференция (псевдоинтернационализмы, паронимы), для носителей тюркских языков – грамматическая (пропуск артиклей, нарушения порядка слов), для всех групп значима прагматическая интерференция, проявляющаяся в переносе коммуникативных стратегий родной культуры на англоязычный деловой дискурс. Теоретическая значимость работы состоит в обосновании комплексного подхода к лингвоэтнокультурной интерференции как единому многоуровневому явлению, а не совокупности изолированных ошибок. Практическая значимость определяется разработанными рекомендациями: входная диагностика языкового состава группы, формирование банков типичных ошибок по языковым семьям, интеграция сопоставительного анализа в работу с профессиональными текстами, ведение индивидуального «языкового портфеля ошибок», использование кросс-культурных ролевых игр.

Abstract

The expansion of the multinational contingent of students in Russian economic universities actualizes the problem of linguistic and cultural interference – the complex transfer of grammatical structures, lexico-semantic models and pragmatic norms of the native language to the professional English language being studied. Traditional methods of teaching economic English, aimed at a homogeneous linguistic audience, do not have the tools to work with different types of interference, which reduces the effectiveness of training and leads to persistent communicative errors in professional discourse. The aim of the article is to identify and systematize the main types of linguistic and cultural interference in multinational economic student cohorts, analyze their distribution by language families and formulate practical recommendations for teachers. The leading research method is a descriptive and analytical approach, including the analysis of written works and oral presentations of students, questionnaires, and the method of introspective logging when working with economic vocabulary. The study was conducted on a sample of 51 students representing five language groups: Indo-European, Turkic, Iranian, Caucasian and mixed one. It has been found that interference errors in economic discourse are systemic and predictable, and their distribution is determined by the typological features of the native language: these are lexico-semantic interference (pseudointernationalisms, paronyms) for native speakers of Indo-European languages, grammatical interference (omission of articles, violations of word order) for native speakers of Turkic languages, and pragmatic interference is significant for all groups, which manifests itself in the transfer of communicative strategies of native culture to English-language business discourse. The theoretical significance of the work is in substantiating an integrated approach to linguistic and cultural interference as a single tiered phenomenon, rather than a set of isolated errors. The practical significance is determined by the developed recommendations: input diagnostics of the linguistic structure of the student cohort, compilation of banks of typical errors by language families, integration of comparative analysis into work with professional texts, journaling an individual "language portfolio of errors", the use of cross-cultural role-playing games.

Ключевые слова

лингвоэтнокультурная интерференция, экономический английский язык, многонациональная учебная группа, межъязыковое влияние, ложные друзья переводчика, прагматическая компетенция

Key words

linguistic and cultural interference, economic English, multinational student cohort, language interference, translator's false friends, pragmatic competence

Благодарности

Автор выражает благодарность кафедре лингводидактики МГЛУ за помощь и консультацию.

Acknowledgements

The author would like to express his gratitude to the Department of Linguodidactics at the Moscow State Linguistic University for their assistance and advice.

Введение / Introduction

Профессиональное владение английским языком в экономической сфере за последние десятилетия перестало быть преимуществом – скорее, оно превратилось в ба-

зовое требование к выпускнику экономического вуза. Вместе с тем практика показывает, что даже при достаточном уровне общего английского языка обучающиеся из стран СНГ и ближнего зарубежья допускают систематические ошибки в профессиональной экономической коммуникации, причем характер этих ошибок во многом определяется родным языком и культурной принадлежностью учащегося, что было зафиксировано нами в предшествующем исследовании [1].

Природа ошибок, которые совершают учащиеся при работе с англоязычным экономическим дискурсом, далеко не однородна. Часть из них имеет чисто грамматическое происхождение – скажем, перенос свободного порядка слов из русского языка или пропуск артиклей, отсутствующих в родном языке учащегося. Другая часть ошибок связана с лексической близостью: слова, внешне похожие в двух языках, могут иметь совершенно разные значения. Наконец, третья – и, пожалуй, наименее очевидная – группа ошибок порождается культурными различиями: нормами вежливости, деловым этикетом, способами выражения согласия или несогласия. Совокупность всех этих видов переноса и составляет то, что мы определяем как лингвоэтнокультурную интерференцию.

Важно отметить, что проблема заключается не в самих учащихся, а в педагогических технологиях, которые используются при обучении. Традиционные технологии преподавания иностранного языка, как правило, выстроены в расчете на однородную языковую аудиторию и не содержат инструментария для работы с разнотипной интерференцией, на что обращают внимание П. В. Закотнова и А. Ю. Чудинова [2]. Преподаватель, работающий одновременно с носителями казахского и русского языков, сталкивается с принципиально различными ошибками, однако используемые им учебные материалы не проводят такого разграничения. Отсутствие системного подхода к диагностике и предупреждению интерференционных ошибок приводит к тому, что коррекция ведется *ad hoc*, *postfactum*, без учета глубинных причин, о чем пишут В. С. Гусарова, А. В. Малёв [3].

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать основные типы лингвоэтнокультурной интерференции в многонациональных учебных группах экономического профиля, проанализировать их распределение по языковым семьям на конкретных примерах и сформулировать практические рекомендации для преподавателей. Исследование носит описательно-аналитический характер: его задача – систематизация наблюдений, полученных в ходе целенаправленной работы с группами учащихся, представляющими пять различных языковых семей.

Обзор литературы / Literature review

Понятие интерференции вошло в лингвистический обиход благодаря У. Вайнрайху, который в монографии “*Languages in Contact*” (1953) описал механизмы взаимовлияния языковых систем в условиях двуязычия [4]. В отечественной науке эту линию продолжил В. Ю. Розенцвейг, определивший интерференцию как процесс, при котором нормы одного языка перестраиваются под давлением другого [5]. Уже на этом этапе было очевидно, что речь идет не об изолированном лингвистическом феномене, а о комплексном явлении, затрагивающем все уровни языковой системы – от фонетики до прагматики.

Комплексный характер языковых контактов в условиях билингвизма подробно рассмотрен Н. Н. Рогозной, показавшей, что интерференция затрагивает не отдельные языковые ярусы, а формирует особую систему – интерязык, функционирующий по собственным закономерностям [6].

Тем не менее первоначально исследовательский фокус концентрировался преимущественно на структурных аспектах. Фонетическая интерференция изучалась наиболее активно, что объяснимо: «иностранный акцент» – наиболее заметное проявление переноса. Н. С. Трубецкой ввел емкую метафору «фонологического сита», через которое слушающий непроизвольно просеивает звуки чужого языка, преобразуя их в привычные категории родной фонологической системы [7]. Эта метафора, как мы покажем далее, продуктивна и за пределами фонетики – фактически каждый учащийся пропускает иноязычный дискурс через комплексное «лингвокультурное сито», искажая информацию на нескольких уровнях одновременно.

Постепенное расширение предмета исследования привело к осознанию того, что грамматическая интерференция не менее значима, чем фонетическая. В. Т. Марков и А. А. Шарова на материале обучения глаголам движения в курсе русского языка как иностранного продемонстрировали, что грамматическая и лексико-семантическая интерференция тесно переплетены: одна и та же ошибка может быть одновременно обусловлена и морфологическим расхождением, и семантическим сдвигом [8]. Данный вывод ценен тем, что он проблематизирует саму идею «чистых» видов интерференции и указывает на необходимость комплексного подхода к анализу.

А. К. Крылова и И. Ю. Мигдаль на материале обучения русскоязычных школьников английскому языку подтвердили, что грамматические трудности, обусловленные интерференцией, обладают высокой устойчивостью и требуют целенаправленных коррекционных стратегий [9].

Параллельно формировалось направление, связанное с изучением «ложных друзей переводчика» – лексических единиц, обманчиво похожих в двух языках. Е. М. Зорина и А. М. Ариас систематизировали наиболее частотные псевдоинтернационализмы в экономических текстах и показали, что существительные составляют абсолютное большинство таких единиц, за ними следуют прилагательные, глаголы и наречия [10]. Применительно к профессиональной лексике ложная эквивалентность приобретает особую остроту. А. В. Лебедев, исследуя прагматический аспект этого явления, обоснованно утверждает, что такие единицы формируют «зоны коммуникативного риска» – участки дискурса, где вероятность непонимания или искажения смысла непропорционально высока [11].

Классификационный аспект проблемы разработан Е. Ю. Шамлиди, предложившей типологию ложных эквивалентов с учетом степени семантического расхождения [12], а также А. Л. Кюрегян, Е. А. Перцевой и А. П. Кузьминой, которые систематизировали типичные переводческие ошибки именно в текстах экономической направленности [13].

Стоит подчеркнуть, что указанные исследования проводились преимущественно на материале одной языковой пары (чаще всего «русский – английский»). Между тем в реальных многоязычных группах ситуация значительно сложнее. Носители тюркских языков привносят совершенно иной набор интерференционных ошибок, чем носители русского. Этот аспект нашел отражение в работах Е. Д. Байкаловой и М. К. О. Артыновой по обучению в условиях тюркско-русского двуязычия, где было показано, что учащиеся-билингвы испытывают двойную интерференцию: со стороны родного тюркского языка и со стороны русского, причем соотношение этих влияний зависит от типа билингвизма – координативного или субординативного [14]. О. Б. Максимова и А. А. Масликов, рассматривая лексическую интерференцию при изучении английского как второго иностранного, показали, что позитивный перенос и негативная интерференция часто действуют одновременно, создавая неоднозначную картину [15].

В зарубежной лингводидактике проблема межъязыкового влияния (cross-linguistic influence, CLI) разрабатывается в рамках нескольких теоретических подходов. Т. Одлин в своем труде обосновал зависимость интерференции от типологической близости контактирующих языков [16]. Х. Хопп и К. Джексон в недавнем исследовании уточнили эту картину, показав, что направление и сила структурного прайминга между языками определяются не только типологическим расстоянием, но и уровнем владения целевым языком [17]. Иначе говоря, одни и те же грамматические конструкции могут подвергаться интерференции у начинающих и не подвергаться у продвинутых учащихся – или наоборот.

Особый пласт исследований посвящен прагматической интерференции – переносу коммуникативных норм и речевых стратегий родной культуры. Результаты исследования Ц. Юй и Ц. Ли, посвященного прагматическому влиянию L1 и L2 на L3 у уйгурско-китайско-английских трилингвов, показали, что оба ранее усвоенных языка оказывают воздействие на прагматику третьего, причем паттерн этого воздействия описывается формулой «L2 позитивный перенос > L1 позитивный перенос > L2 негативный перенос > L1 негативный перенос» [18]. Для нашего исследования это означает, что в группах, где учащиеся владеют русским как вторым языком (а родным является, скажем, узбекский или таджикский), прагматические ошибки формируются под совокупным влиянием обоих языков.

Э. Мейер в книге “The Culture Map” предложила практическую модель для анализа культурных различий в деловой коммуникации, выделив восемь параметров, по которым деловые культуры различаются между собой [19]. Эта модель, дополненная классификацией Р. Д. Льюиса, разделившего деловые культуры на моноактивные, полиактивные и реактивные, позволяет системно описывать культурную составляющую интерференции [20]. Большинство культур постсоветского пространства тяготеют к полиактивному типу, для которого характерны иные нормы деловой переписки, переговоров и принятия решений, чем для англосаксонской деловой среды.

Что касается собственно технологий преподавания, то здесь наблюдается заметная лагуна. В. С. Гусарова и А. В. Малёв показали, что формирование прагматической интенциональности иноязычной речи протекает значительно медленнее, чем освоение грамматики и лексики, и требует специальных педагогических приёмов [21]. А. Н. Рыблова обосновала модель разноуровневого управления иноязычным образовательным процессом, однако эта модель ориентирована на подготовку переводчиков и не адаптирована к многонациональным группам экономического профиля [22]. С. В. Титова в обзорной статье 2023 года предложила иерархию современных теорий, методов и подходов к обучению иностранным языкам, подчеркнув необходимость интеграции коммуникативного и межкультурного подходов [23]. О. И. Сидоренко, рассматривая формирование межкультурной коммуникативной компетентности, выделила комплекс методологических подходов: личностно ориентированный, компетентностный, коммуникативно-деятельностный и межкультурный – и подчеркнула, что ни один из них в отдельности не обеспечивает решения задачи [24].

С. А. Золотарева, исследуя эффективность цифровых инструментов при обучении английскому языку в неязыковом вузе, зафиксировала, что технологизация процесса обучения открывает новые возможности для дифференцированного подхода к учащимся с различной языковой базой [25]. Тем не менее в ее работе, как и в большинстве отечественных исследований, проблема интерференции не рассматривается как системообразующий фактор при проектировании образовательных технологий.

О. В. Абрамова, исследуя интерактивные формы обучения деловому интернет-общению на иностранном языке, также констатировала необходимость учета коммуникативных особенностей учащихся с различным языковым опытом [26].

Завершая обзор, отметим, что лингвокультурная интерференция в полилингвальном обучении все чаще осмысливается не как помеха, а как закономерный фактор становления поликультурной личности А. В. Хэкетт-Джонс [27]. Эта позиция, подкрепленная данными исследования Х. Ху и Л. Чжан о многоязычии в интенсивных программах английского языка [28], открывает перспективу для более дифференцированного подхода: вместо тотального «преодоления» интерференции – ее осознанная регуляция с опорой на метаязыковую рефлексия учащегося.

Таким образом, при обширном теоретическом заделе исследований по отдельным аспектам интерференции фактически отсутствуют работы, в которых лингвоэтнокультурная интерференция рассматривалась бы комплексно – как единое явление – на материале профессионального экономического дискурса в многонациональных группах, объединяющих носителей языков различных семей.

Материалы и методы / Materials and methods

Исследование проводилось на базе экономического факультета НИУ ВШЭ «Высшая школа бизнеса» в 2024/2025 учебном году и носило описательно-аналитический характер. Выборку составил 51 учащийся, обучавшийся экономическому английскому языку и распределенный по пяти группам в зависимости от языковой принадлежности (табл. 1).

Таблица 1

Состав участников исследования по языковым группам

Номер группы	Языковая семья	Количество учащихся	Родные языки
1	Индоевропейская	8	Русский, украинский, белорусский
2	Тюркская	10	Татарский, казахский, азербайджанский, узбекский, киргизский
3	Иранская	6	Таджикский, дари, пушту
4	Кавказская	21	Грузинский, армянский
5	Смешанная	6	Цыганский, курдский, дунганский

Для выявления и систематизации типичных интерференционных ошибок использовался комплекс взаимодополняющих методов, восходящих к традиции анализа ошибок С. П. Кордера [29]:

- анализ письменных работ студентов (эссе, деловые письма, мини-кейсы по экономической тематике) – всего было собрано и проанализировано 204 текста;
- наблюдение за устной речью в ходе ролевых игр и презентаций на экономическую тематику с протоколированием ошибок;
- анкетирование, направленное на самооценку студентами трудностей при работе с экономическим англоязычным материалом;
- метод «думай вслух» (think-aloud protocol) при выполнении переводных заданий с экономической лексикой.

Ошибки, зафиксированные в ходе наблюдения и анализа, классифицировались, с опорой на типологию Х. Д. Брауна [30], по трем основным видам: грамматическая

интерференция (морфологическая и синтаксическая), лексико-семантическая интерференция и прагматическая (функциональная) интерференция. Такое разграничение, разумеется, в известной мере условно – как было показано в обзоре литературы, виды интерференции тесно переплетены, – однако оно удобно в аналитических целях и позволяет структурировать наблюдения.

Результаты исследования / Research results

Анализ собранного корпуса текстов и протоколов наблюдений позволил выявить устойчивые шаблоны интерференции, специфичные для каждой языковой группы. Рассмотрим их последовательно, двигаясь от наиболее «поверхностных» видов интерференции (грамматической) к глубинным (прагматической).

Грамматическая интерференция. Характер грамматических ошибок заметно различался в зависимости от языковой группы, что обусловлено типологическими расхождениями между родными языками учащихся и английским. В индоевропейской группе (русский, украинский, белорусский) наиболее устойчивыми оказались ошибки, связанные с калькированием порядка слов и системой времен. Свободный порядок слов в русском языке, допускающий конструкции вида «Договор менеджер подписал», порождал в английском структуры типа “The contract the manager signed”, нарушающие фиксированный порядок SVO. Примечательно, что эта ошибка сохранялась даже у учащихся с достаточно высоким уровнем общего английского, что указывает на её глубинный, интерференционный характер.

Отдельную проблему для индоевропейской группы составляла система условных предложений, особенно релевантная для экономического прогнозирования. Типичная ошибка – “If we will invest more, we get more profit” вместо “If we invest more, we will get more profit” – отражает перенос из русского языка, где будущее время употребляется в обеих частях условного предложения.

Принципиально иная картина наблюдалась в тюркской группе. Здесь ведущей проблемой стало отсутствие категории артикля в родных языках учащихся – татарском, казахском, узбекском, киргизском, азербайджанском. Ошибки типа “I have meeting” вместо “I have a meeting” или “Give me report” вместо “Give me the report” носили массовый и устойчивый характер. Кроме того, агглютинативный строй тюркских языков, предполагающий постпозицию показателей грамматических значений, создавал дополнительные трудности при построении английских именных групп. Для иранской группы (таджикский, дари, пушту) основной проблемой оказался порядок слов SOV, характерный для этих языков и резко контрастирующий с английским SVO.

Кавказская группа – наиболее многочисленная (21 человек) – продемонстрировала неоднородность грамматических ошибок, что объяснимо: грузинский и армянский принадлежат к разным языковым семьям. Для носителей грузинского типичной была инверсия подлежащего и дополнения, а носители армянского испытывали заметные трудности с предлогами места и времени.

В табл. 2 обобщены основные грамматические ошибки по языковым группам.

Лексико-семантическая интерференция. Этот вид интерференции оказался наиболее специфичным именно для экономического дискурса. Анализ позволил выделить три основные подкатегории:

- «ложные друзья переводчика» в экономической терминологии;
- калькирование экономических концепций из родного языка;
- культурно обусловленные смысловые сдвиги в восприятии деловых понятий.

Таблица 2

Типичные грамматические ошибки по языковым группам

<i>Языковая группа</i>	<i>Ведущий тип грамматической ошибки</i>	<i>Пример ошибочного высказывания</i>	<i>Корректный вариант</i>
Индоевропейская	Порядок слов, условные предложения	If we will invest, we get profit	If we invest, we will get profit
Тюркская	Пропуск артиклей	I have meeting with investor	I have a meeting with an investor
Иранская	Порядок слов SOV	The company profit big had	The company had a big profit
Кавказская (груз.)	Инверсия подлежащего и дополнения	The report submitted the analyst	The analyst submitted the report
Кавказская (арм.)	Ошибки в предлогах	We arrived to the meeting in Monday	We arrived at the meeting on Monday

Проблема ложной эквивалентности наиболее остро проявлялась в индоевропейской группе, что закономерно: именно между русским и английским существует обширный пласт псевдоинтернационализмов. Типичные примеры из экономического дискурса: *accurate* (точный) воспринимался через призму русского «аккуратный» (*neat, tidy*); *data* (данные, мн. ч.) смешивалось с «дата» (*date*); *prospect* (перспектива, потенциальный клиент) ассоциировалось с «проспект» (*avenue*). Особую опасность представляло смешение паронимов *economic* (относящийся к экономике) и *economical* (экономный, бережливый): высказывание “We need an economic solution to this technical problem” вместо “economical solution” встречалось регулярно.

Отдельного внимания заслуживает случай со словом *billion*. В англоязычной традиции оно обозначает миллиард (10⁹), тогда как в украиноязычной среде “більйон” нередко воспринимается как триллион, что в контексте финансовых расчетов может привести к ошибкам на несколько порядков. Столь же показательна логическая несовместимость, возникающая при недостаточном владении терминологией: высказывание “Our revenue was \$50,000 with net profit \$55,000” (чистая прибыль не может превышать выручку) фиксировалось неоднократно.

В табл. 3 представлены наиболее частотные «ложные друзья переводчика» в экономическом контексте.

Таблица 3

«Ложные друзья переводчика» в экономическом английском

<i>Англ. слово</i>	<i>Кажущееся значение (калька)</i>	<i>Реальное значение</i>
<i>accurate</i>	аккуратный	точный
<i>data</i>	дата	данные
<i>actual</i>	актуальный	фактический, действительный
<i>prospect</i>	проспект	перспектива, потенциальный клиент
<i>obligation</i>	облигация	обязательство
<i>decade</i>	декада (10 дней)	десятилетие
<i>economic / economical</i>	одно значение	относящийся к экономике/экономный

Калькирование экономических концепций проявлялось в каждой группе по-своему. Для тюркской и иранской групп слово “*businessman*” ассоциировалось преимущественно с крупным торговцем (узб. «тадбиркор», тадж. «содир»), а не с предпринимателем в широком смысле. Это сужение значения затрудняло понимание текстов о

стартапах и малом бизнесе. Для всех без исключения групп было характерно различное понимание ключевого делового понятия negotiations: учащиеся из стран СНГ склонны воспринимать переговоры через призму торга и противостояния, тогда как в англоязычном деловом дискурсе акцент делается на партнерстве и поиске взаимовыгодного решения.

Еще одно культурно-нагруженное понятие – investment. Для учащихся из ряда постсоветских стран это слово несет латентные негативные коннотации (риск, непредсказуемость, возможность обмана), тогда как в западном деловом дискурсе оно ассоциируется преимущественно с ростом и возможностями.

Прагматическая интерференция. Это вид интерференции, наименее заметный при формальном анализе, но наиболее значимый для реальной коммуникации. Его проявления охватывают:

- степень прямоты в деловой переписке;
- нормы обращения и формулы вежливости;
- использование культурно-специфических реалий;
- адекватность маркетинговых и деловых предложений культурному контексту адресата.

Носители русского и украинского языков систематически демонстрировали избыточную прямолинейность в деловой переписке. Конструкция “Send me the report” в английском деловом письме воспринимается как грубая, тогда как для русскоязычного учащегося она кажется естественной и нейтральной. Корректный вариант – “Could you please send me the report at your earliest convenience?” – содержит модальный глагол, формулу вежливости и смягчающее обстоятельство времени, что соответствует прагматическим нормам англоязычного делового дискурса.

Зафиксированы и случаи культурной неадекватности деловых предложений. Показательный пример: предложение “We should implement Black Friday sales in Saudi Arabia” не учитывает ни религиозных особенностей (отсутствие христианских традиций), ни локальных коммерческих календарей (Рамадан, сезонные распродажи). Аналогично, использование культурно-специфических реалий без пояснений – “In Russia we have avoska” (без уточнения, что речь идет о многоразовой сетчатой сумке) – создает коммуникативный барьер, который не является языковым в строгом смысле слова, но существенно затрудняет деловую коммуникацию.

Табл. 4 обобщает виды прагматической интерференции с указанием характерных групп.

Таблица 4

Проявления прагматической интерференции по языковым группам

<i>Проявление</i>	<i>Характерные группы</i>	<i>Пример</i>
Избыточная прямолинейность	Индоевропейская	Send me the report вместо Could you please...
Игнорирование титулов	Индоевропейская, иранская	Обращение по имени вместо Mr./Ms.
Неадекватность культурного контекста	Все группы	Black Friday в Саудовской Аравии
Использование реалий без пояснений	Индоевропейская, тюркская	Avoska, bazaar без контекстуализации
Восприятие переговоров как противостояния	Все группы СНГ	Конфронтационный стиль вместо win-win

Подчеркнем, что прагматическая интерференция обладает свойством, которое делает ее особенно «коварной»: она часто не осознаётся ни самим говорящим, ни даже преподавателем, если тот не имеет специальной подготовки в области межкультурной коммуникации. Грамматическую ошибку легко выявить и исправить; прагматическая же ошибка может быть принята за «личную грубость» или «отсутствие такта», хотя на самом деле она обусловлена культурным переносом.

Фонетическая интерференция. Фонетическая интерференция не являлась центральным объектом исследования, однако заслуживает упоминания как фактор, влияющий на устную деловую коммуникацию. Отсутствие четкого противопоставления кратких и долгих гласных в русском и украинском языках приводит к смешению слов типа ship/sheep, live/leave. Для носителей тюркских языков характерны трудности со звуками [θ] и [ð], отсутствующими в родных языках. Эти фонетические особенности, как правило, не препятствуют пониманию в письменной коммуникации, но могут затруднять устные переговоры и презентации.

Практические рекомендации для преподавателей. Результаты проведенного анализа позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций для преподавателей, работающих с многонациональными группами в экономических вузах.

Прежде всего, при планировании курса целесообразно проводить входную диагностику языкового состава группы и на ее основе формировать «банк типичных ошибок» для каждой представленной языковой семьи. Такой банк может строиться по принципу табл. 2–4 настоящего исследования и дополняться по мере накопления преподавательского опыта. Наличие заблаговременно подготовленного перечня «зон риска» позволяет организовать работу не по модели «ошибка → коррекция», а по модели «прогноз → профилактика», что, по нашему убеждению, значительно продуктивнее.

Далее, сопоставление структур родного и английского языков следует интегрировать непосредственно в работу с профессиональными экономическими текстами, а не выделять в отдельный теоретический блок. Форматом могут служить «сравнительные мини-уроки» – короткие фрагменты занятий (5–7 минут), в которых конкретная грамматическая или лексическая проблема рассматривается через призму различий между языками. Для индоевропейской подгруппы акцент целесообразно делать на системе условных предложений и паронимах, для тюркской – на артиклях и порядке слов, для иранской – на порядке слов SVO.

Прагматической интерференции необходимо уделять целенаправленное внимание, поскольку она, как было показано выше, часто не осознаётся ни учащимися, ни преподавателями. Эффективным инструментом здесь могут стать кросс-культурные ролевые игры, моделирующие реальные деловые ситуации: переговоры с иностранными партнерами, составление коммерческих предложений для разных рынков, деловую переписку с представителями различных культур. Важно, чтобы учащиеся из разных языковых подгрупп взаимодействовали между собой, осознавая различия в коммуникативных стратегиях.

Перспективным представляется ведение индивидуального «языкового портфеля ошибок» – тетради, в которой каждый студент фиксирует собственные ошибки, определяет их источник (влияние родного языка, культурный перенос, недостаточное владение терминологией) и формулирует стратегию самокоррекции. Систематическая работа с портфелем формирует метаязыковую рефлекссию – способность осознавать механизмы интерференции и контролировать их, что значительно важнее, чем механическое заучивание правил.

Наконец, необходимо формировать у учащихся понимание того, что коммуникативный сбой в деловом общении может быть вызван не дефицитом языковых знаний, а различиями в культурных нормах. Введение элементов межкультурной грамотности – даже в рамках курса экономического английского, а не специализированного курса межкультурной коммуникации – расширяет коммуникативный репертуар будущего экономиста.

Заключение / Conclusion

Итак, проведенное исследование позволило выявить и систематизировать основные типы лингвоэтнокультурной интерференции, характерные для многонациональных учебных групп экономического профиля. Установлено, что грамматическая, лексико-семантическая и прагматическая интерференция действуют одновременно, причем их соотношение и характер определяются языковой принадлежностью учащегося. Для носителей индоевропейских языков ведущей является лексико-семантическая интерференция (обилие ложных когнатов), для носителей тюркских языков – грамматическая (отсутствие артиклей, агглютинативный строй), для всех групп без исключения значима, но редко осознаётся, прагматическая интерференция.

Анализ конкретных примеров из каждой языковой группы подтвердил, что интерференционные ошибки в экономическом дискурсе носят не случайный, а системный и предсказуемый характер. Именно эта предсказуемость создает основу для разработки превентивных педагогических стратегий. Сформулированные рекомендации: входная диагностика языкового состава, формирование банков типичных ошибок, сравнительные мини-уроки, кросс-культурные ролевые игры, индивидуальный «языковой портфель ошибок» – направлены на переход от реактивной модели коррекции к проактивной модели профилактики интерференции.

Следует признать определенные ограничения работы: относительно небольшая выборка (51 человек) и наблюдательный характер исследования не позволяют в полной мере экстраполировать выводы на другие контексты. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением масштаба работы – привлечением большего числа вузов и учащихся; с разработкой специализированных корпусов интерференционных ошибок для конкретных языковых пар в привязке к экономическому курсу; а также с изучением потенциала цифровых технологий и искусственного интеллекта для автоматизированной диагностики и персонализированной коррекции интерференции.

Ссылки на источники / References

1. Славин Е. И. Лингвоэтнологический мониторинг в современной системе образования: социально-экономическая специфика // Современное профессиональное образование. – 2024. – № 6. – С. 180–184. EDN AZIIEH.
2. Закотнова П. В., Чудинова А. Ю. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов при обучении в неязыковой магистратуре // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 3. – С. 254–258.
3. Гусарова В. С., Малёв А. В. Формирование прагматической интенциональности иноязычной речи школьников в контексте профессиональной ориентации // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2024. – № 2(851). – С. 35–39.
4. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. – Reprint ed. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. – 160 p.
5. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – С. 5–22.
6. Rogoznaya N. N. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция. – М.: Государственный ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. – 199 с.

7. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. – М.: ЛКИ, 2012. – 336 с.
8. Марков В. Т., Шарова А. А. Виды интерференции при обучении глаголам движения в преподавании русского языка как иностранного // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 2, ч. 1. – С. 215–225. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-215-225.
9. Крылова А. К., Мигдаль И. Ю. Преодоление грамматических трудностей у русскоязычных школьников в обучении английскому языку в средней школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 4. – С. 125–136.
10. Зорина Е. М., Ариас А. М. «Ложные друзья переводчика» как источник ошибок при переводе с английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 6-1. – С. 145–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6.07. EDN PZZKMP.
11. Лебедев А. В. Прагматический аспект переводимости англоязычных лексических единиц с ложной эквивалентностью // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 3(39). – 18 с.
12. Шамлиди Е. Ю. К проблеме классификации «ложных друзей переводчика» // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 172–179. DOI: 10.53531/25420747_2021_4_172. EDN PTQLIQ.
13. Кюреган А. Л., Перцевая Е. А., Кузьмина А. П. Классификация «ложных друзей переводчика» в текстах экономической направленности: типичные ошибки при переводе с английского языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3150–3155. DOI: 10.30853/phil20230490. EDN MSJJKH.
14. Байкалова Е. Д., Артына М. К. о. Обучение грамматике английского языка в условиях тувинско-русского двуязычия // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. Педагогические науки. – 2018. – № 4(39). – С. 82–89. EDN POMQIJ.
15. Максимова О. Б., Масликов А. А. Лексическая интерференция и позитивный перенос при изучении английского языка в сфере профессиональной коммуникации как второго иностранного // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 1. – 15 с.
16. Odlin T. Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 224 p.
17. Hopp H., Jackson C. N. Asymmetrical effects of cross-linguistic structural priming on cross-linguistic influence in L2 learners // Applied Psycholinguistics. – 2023. – Vol. 44(2). – P. 205–236.
18. Yu Q., Li Q. Cross-linguistic influence in third language acquisition: evidence from refusal strategies of Uyghur-Mandarin-English trilinguals // International Journal of Multilingualism. – 2025. – Vol. 22(3). – P. 1867–1884. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790718.2025.2470467>.
19. Meyer E. The Culture Map: Breaking Through the Invisible Boundaries of Global Business. – New York: PublicAffairs, 2014. – 288 p.
20. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001. – 432 с.
21. Малёв А. В., Гусарова В. С. Иллокутивная грамотность как отражение прагматикона вторичной языковой личности преподавателя иностранного языка: дискурсематический и дидактический аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 358–367. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-358-367. EDN JYUHJK.
22. Рыблова А. Н. Разноуровневое управление иноязычным образовательным процессом подготовки переводчиков: технологическое обеспечение. – 2-е изд. – М.: МГЛУ, 2024. – 178 с. EDN LCSLPZ.
23. Титова С. В. Иерархия современных теорий, методов и подходов к обучению иностранным языкам // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 4. – С. 85–102. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-6.
24. Сидоренко О. И. Методологические основы формирования межкультурной коммуникативной компетентности будущих учителей иностранного языка // Проблемы современного образования. – 2023. – № 1. – С. 224–230. DOI: 10.31862/2218-8711-2023-1-224-230. EDN GCNFCI.
25. Золотарева С. А. Эффективность использования цифровых инструментов при обучении английскому языку студентов неязыкового вуза // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2-1. – С. 131–139.
26. Абрамова О. В. Интерактивность в обучении будущих менеджеров основам делового интернет-общения на иностранном языке // Современное профессиональное образование. – 2024. – № 5. – С. 242–245.
27. Hackett-Jones A. V. Language and culture interference in plurilingual education // Russian Linguistic Bulletin. – 2016. – No. 3(7). – P. 141–143. DOI: 10.18454/RULB.7.08. EDN XRZCNT.
28. Hu H., Zhang L. Innovation in practice: Embracing multilingualism in an intensive English programme // Higher Learning Research Communications. – 2024. – Vol. 14(0). – P. 18–34. – URL: <https://scholarworks.waldenu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1514&context=hlrc>
29. Corder S. P. Error Analysis and Interlanguage. – Oxford: Oxford University Press, 1981. – 120 p.
30. Brown H. D. Principles of Language Learning and Teaching. – 5th ed. – New York: Pearson Education, 2007. – 410 p.

1. Slavin, E. I. (2024). "Linguoetnologicheskij monitoring v sovremennoj sisteme obrazovaniya: social'no-ekonomicheskaya specifika" [Linguoethnological monitoring in the modern education system: socio-economic specifics], *Sovremennoe professional'noe obrazovanie*, № 6, pp. 180–184. EDN AZIIE X (in Russian).
2. Zakotnova, P. V., & Chudinova, A. Yu. (2025). "Razvitie inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii studentov pri obuchenii v neyazykovej magistrature" [Development of foreign language communicative competence of students studying in a non-linguistic graduate school], *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, № 3, pp. 254–258 (in Russian).
3. Gusarova, V. S., & Malyov, A. V. (2024). "Formirovanie pragmaticheskoy intencional'nosti inoyazychnoj rechi shkol'nikov v kontekste professional'noj orientacii" [Development of pragmatic intentionality of foreign language speech of schoolchildren in the context of professional orientation], *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, № 2(851), pp. 35–39 (in Russian).
4. Weinreich, U. (2010). *Languages in Contact: Findings and Problems*, Reprint ed, Walter de Gruyter, New York, Berlin, 160 p. (in Russian).
5. Rozencvejg, V. Yu. (1972). "Osnovnye voprosy teorii yazykovyh kontaktov" [Key issues in the theory of language contacts], *Novoe v lingvistike. Vyp. VI. Yazykovye kontakty*, Progress, Moscow, pp. 5–22 (in Russian).
6. Rogoznaya, N. N. (2022). *Yazykovye kontakty: bilingvizm, interyazyk, interferenciya* [Language contacts: bilingualism, interlanguage, interference], Gosudarstvennyj IRYa im. A. S. Pushkina, Moscow, 199 p. (in Russian).
7. Trubeckoj, N. S. (2012). *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology], LKI, Moscow, 336 p. (in Russian).
8. Markov, V. T., & Sharova, A. A. (2022). "Vidy interferencii pri obuchenii glagolam dvizheniya v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo" [Types of interference in teaching verbs of motion in Russian as a foreign language], *Prepodavatel' XXI vek*, № 2, ch. 1, pp. 215–225. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-215-225 (in Russian).
9. Krylova, A. K., & Migdal', I. Yu. (2023). "Preodolenie grammaticheskikh trudnostej u russkoyazychnyh shkol'nikov v obuchenii anglijskomu yazyku v srednej shkole" [Overcoming grammatical difficulties among Russian-speaking secondary school students at English lessons], *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 4, pp. 125–136 (in Russian).
10. Zorina, E. M., & Arias, A. M. (2023). "Lozhnye druz'ya perevodchika" kak istochnik oshibok pri perevode s anglijskogo yazyka" ["False friends of the translator" as a source of errors in translation from English], *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, № 6-1, pp. 145–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6.07. EDN PZZKMP (in Russian).
11. Lebedev, A. V. (2023). "Pragmaticheskij aspekt perevodimosti angloyazychnyh leksicheskikh edinic s lozhnoj ekvivalentnost'yu" [Pragmatic aspect of translatability of English lexical units with false equivalence], *Russkij lingvisticheskij byulleten'*, № 3(39), 18 p. (in Russian).
12. Shamlidi, E. Yu. (2021). "K probleme klassifikacii "lozhnyh druzej perevodchika" [On the problem of classifying "false friends of the translator"], *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 4, pp. 172–179. DOI: 10.53531/25420747_2021_4_172. EDN PTQILQ (in Russian).
13. Kyuregyan, A. L., Percevaya, E. A., & Kuz'mina, A. P. (2023). "Klassifikaciya "lozhnyh druzej perevodchika" v tekstah eko-nomicheskoy napravlenosti: tipichnye oshibki pri perevode s anglijskogo yazyka na russkij" [Classification of "false friends of the translator" in economic texts: typical errors in translation from English into Russian], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, t. 16, № 10, pp. 3150–3155. DOI: 10.30853/phil20230490. EDN MSJJKH (in Russian).
14. Bajkalova, E. D., & Artyna, M. K. o. (2018). "Obuchenie grammatike anglijskogo yazyka v usloviyah tuvinsko-russkogo dvuyazychiya" [Learning English grammar in the context of Tuvan-Russian bilingualism], *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4. Pedagogicheskie nauki*, № 4(39), pp. 82–89. EDN POMQIJ (in Russian).
15. Maksimova, O. B., & Maslikov, A. A. (2022). "Leksicheskaya interferenciya i pozitivnyj perenos pri izuchenii anglijskogo yazyka v sfere professional'noj kommunikacii kak vtorogo inostrannogo" [Lexical interference and positive transfer in learning English in the field of professional communication as a second foreign language], *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, t. 10, № 1, 15 p. (in Russian).
16. Odlin, T. (1989). *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning*, Cambridge University Press, Cambridge, 224 p. (in English).
17. Hopp, H., & Jackson, C. N. (2023). "Asymmetrical effects of cross-linguistic structural priming on cross-linguistic influence in L2 learners", *Applied Psycholinguistics*, vol. 44(2), pp. 205–236 (in English).
18. Yu, Q., & Li, Q. (2025). "Cross-linguistic influence in third language acquisition: evidence from refusal strategies of Uyghur-Mandarin-English trilinguals", *International Journal of Multilingualism*, vol. 22(3), pp. 1867–1884. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790718.2025.2470467> (in English).
19. Meyer, E. (2014). *The Culture Map: Breaking Through the Invisible Boundaries of Global Business*, PublicAffairs, New York, 288 p. (in English).

20. L'yuis, R. D. (2001). *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business Cultures in International Business: From Clashes to Mutual Understanding], Delo, Moscow, 432 p. (in Russian).
21. Malyov, A. V., & Gusarova, V. S. (2022). "Illokutivnaya gramotnost' kak otrazhenie pragmatikona vtorichnoj yazykovoj lichnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka: diskursematicheskiy i didakticheskiy aspekty" [Illocutionary literacy as a reflection of the pragmatics of the secondary linguistic personality of a foreign language teacher: discursive and didactic aspects], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, t. 27, № 2, pp. 358–367. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-358-367. EDN JYUHJK (in Russian).
22. Ryblova, A. N. (2024). *Raznourovnevoe upravlenie inoyazychnym obrazovatel'nym processom podgotovki perevodchikov: tekhnologicheskoe obespechenie* [Multilevel Management of the Foreign Language Educational Process for Translators: Technological Support], 2-e izd, MGLU, Moscow, 178 p. EDN LCSLPZ (in Russian).
23. Titova, S. V. (2023). "Ierarhiya sovremennyh teorij, metodov i podhodov k obucheniyu inostrannym yazykam" [Hierarchy of modern theories, methods and approaches to learning foreign languages], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, № 4, pp. 85–102. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-6 (in Russian).
24. Sidorenko, O. I. (2023). "Metodologicheskie osnovy formirovaniya mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetentnosti budushchih uchitelej inostrannogo yazyka" [Methodological foundations for the development of intercultural communicative competency of preservice foreign language teachers], *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, № 1, pp. 224–230. DOI: 10.31862/2218-8711-2023-1-224-230. EDN GCNFCI (in Russian).
25. Zolotareva, S. A. (2024). "Effektivnost' ispol'zovaniya cifrovyyh instrumentov pri obuchenii anglijskomu yazyku studentov neyazykovogo vuza" [The effectiveness of using digital tools in teaching English to students at a non-linguistic university], *Prepodavatel' XXI vek*, № 2-1, pp. 131–139 (in Russian).
26. Abramova, O. V. (2024). "Interaktivnost' v obuchenii budushchih menedzherov osnovam delovogo internet-obshcheniya na inostrannom yazyke" [Interactivity in teaching preservice managers the basics of business online communication in a foreign language], *Sovremennoe professional'noe obrazovanie*, № 5, pp. 242–245 (in Russian).
27. Hackett-Jones, A. V. (2016). "Language and culture interference in plurilingual education", *Russian Linguistic Bulletin*, no. 3(7), pp. 141–143. DOI: 10.18454/RULB.7.08. EDN XRZCNT (in English).
28. Hu, H., & Zhang, L. (2024). "Innovation in practice: Embracing multilingualism in an intensive English programme", *Higher Learning Research Communications*, vol. 14(0), pp. 18–34. Available at: <https://scholarworks.waldenu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1514&context=hlrc> (in English).
29. Corder, S. P. (1981). *Error Analysis and Interlanguage*, Oxford University Press, Oxford, 120 p. (in English).
30. Brown, H. D. (2007). *Principles of Language Learning and Teaching*, 5th ed, Pearson Education, New York, 410 p. (in English).